

Учитель словесности — эпизод 3 из 10

Вы начинаете говорить с ней о чем-нибудь, а она уже пристально смотрит вам в лицо и вдруг перебивает: Позвольте, позвольте, Петров, третьего дня вы говорили совсем противоположное!

Или же она насмешливо улыбается и говорит: Однако, я замечаю, вы начинаете проповедовать принципы третьего отделения. Поздравляю вас. Если вы состригли или сказали каламбур, тотчас же вы слышите ее голос: Это старо! или: Это плоско! Если же острит офицер, то она делает презрительную гримасу и говорит: Арррмейская острога!

И это рrrr... выходило у нее так внушительно, что Мушка непременно отвечала ей из-под стула: рrrr... нга-нга-нга...

Теперь за чаем спор начался с того, что Никитин заговорил о гимназических экзаменах.

Позвольте, Сергей Васильич, перебила его Варя. Вот вы говорите, что ученикам трудно. А кто виноват, позвольте вас спросить? Например, вы задали ученикам VIII класса сочинение на тему: Пушкин как психолог. Во-первых, нельзя задавать таких трудных тем, а во-вторых, какой же Пушкин психолог? Ну, Щедрин или, положим, Достоевский другое дело, а Пушкин великий поэт и больше ничего.

Щедрин сам по себе, а Пушкин сам по себе, угрюмо ответил Никитин. Я знаю, у вас в гимназии не признают Щедрина, но не в этом дело. Вы скажите мне, какой же Пушкин психолог?

А то разве не психолог? Извольте, вам примеры.

И Никитин продекламировал несколько мест из Онегина, потом из Бориса Годунова.

Никакой не вижу тут психологии, вздохнула Варя. Психологом называется тот, кто описывает изгибы человеческой души, а это прекрасные стихи и больше ничего.

Я знаю, какой вам нужно психологии! обиделся Никитин. Вам нужно, чтобы кто-нибудь пилил мне тупой пилою палец и чтобы я орал во всё горло, это, по-вашему, психология.

Плоско! Однако, вы все-таки не доказали мне: почему же Пушкин психолог? Когда Никитину приходилось оспаривать то, что казалось ему рутиной, узостью или чем-нибудь вроде этого, то обыкновенно он вскакивал с места, хватал себя обеими руками за голову и начинал со стоном бегать из угла в угол. И теперь то же самое: он вскочил, схватил себя за голову и со стоном

прошелся вокруг стола, потом сел поодаль.

За него вступились офицеры. Штабс-капитан Полянский стал уверять Варю, что Пушкин в самом деле психолог, и в доказательство привел два стиха из Лермонтова; поручик Гернет сказал, что если бы Пушкин не был психологом, то ему не поставили бы в Москве памятника.

Это хамство! доносилось с другого конца стола. Я так и губернатору сказал: это, ваше превосходительство, хамство!

Я больше не спорю! крикнул Никитин. Это его же царствию не будет конца! Баста! Ах, да поди ты прочь, поганая собака! крикнул он на Сома, который положил ему на колени голову и лапу.

Ррр... нга-нга-нга... слышалось из-под стула.

Сознайтесь, что вы не правы! крикнула Варя. Сознайтесь!

Но пришли гости-барышни, и спор прекратился сам собой. Все отправились в зал. Варя села за рояль и стала играть танцы. Протанцевали сначала вальс, потом польку, потом кадрили с grand-rond, которое провел по всем комнатам штабс-капитан Полянский, потом опять стали танцевать вальс.

Старики во время танцев сидели в зале, курили и смотрели на молодежь.

Между ними находился и Шебалдин, директор городского кредитного общества, славившийся своей любовью к литературе и сценическому искусству. Он положил начало местному Музыкально-драматическому кружку и сам принимал участие в спектаклях, играя почему-то всегда только одних смешных лакеев или читая нараспев Грешницу. Звали его в городе мумией, так как он был высок, очень тощ, жилист и имел всегда торжественное выражение лица и тусклые неподвижные глаза. Сценическое искусство он любил так искренно, что даже брил себе усы и бороду, а это еще больше делало его похожим на мумию.

После grand-rond он нерешительно, как-то боком подошел к Никитину, кашлянул и сказал:

Я имел удовольствие присутствовать за чаем во время спора. Вполне разделяю ваше мнение. Мы с вами единомышленники, и мне было бы очень приятно поговорить с вами. Вы изволили читать Гамбургскую драматургию Лессинга? Нет, не читал.

Шебалдин ужаснулся и замахал руками так, как будто ожег себе пальцы, и, ничего не говоря, попятился от Никитина. Фигура Шебалдина, его вопрос и удивление показались Никитину смешными, но он все-таки подумал:

В самом деле неловко. Я учитель словесности, а до сих пор еще не читал Лессинга. Надо будет прочесть.